

Published in the Russian Federation.

Russian Turkology (Previous Name: *Soviet Turkology*, was founded in 1970)

Has been issued as *Russian Turkology* since 2009; ISSN: 2079-9160; E-ISSN: 2712-8121

2025. № 1–2 (46–47), pp. 68–86. Journal homepage: <http://rosturcology.ru/>

УДК/UDC: 811.512.145

DOI 10.37892/2712-8121-2025-46-47-68-86

АРХИВНАЯ ПУБЛИКАЦИЯ

Е.Д. ПОЛИВАНОВ. ФОНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КАСИМОВСКОГО ДИАЛЕКТА Москва, 1923

Professor Ye.D. Polivanov. Phonetic Features of the Kasimov Dialect

Публикацию подготовили:

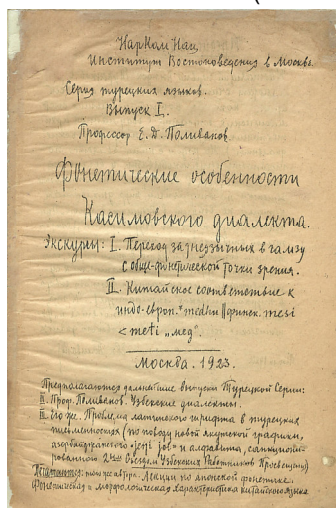
А.В. Дыбо (ИЯз РАН), adybo@mail.ru

и А.В. Андронов (ИСЛ РАН), baltistica@gmail.com¹

Edited by:

A.V. Dybo (Institute of Linguistics RAS), adybo@mail.ru

& A.V. Andronov (Institute of Slavic Studies RAS), baltistica@gmail.com

НарКомНац

Институт Востоковедения в Москве

Серия турецких языков.

Выпуск I

Профессор Е.Д. Поливанов

Фонетические особенности

Касимовского диалекта

Экскурсы:

I. Переход заднеязычных в гамзу
с обще-фонетической точки зрения.

II. Китайское соответствие к индо-европ. *medhu ||
финск. mesi < meti „мед“

Москва, 1923

¹ В настоящей публикации за небольшими исключениями технического характера сохранена орфография и пунктуация источника. Ссылки на литературу приведены к современному формату и добавлены в угловых скобках, так же отмечены номера страниц оригинала. — *Изд.*

Предполагаются дальнейшие выпуски Турецкой Серии:

II. Проф. Поливанов. Узбекские диалекты.

III. Его же. Проблема латинского шрифта в турецких письменностях (по поводу новой якутской графики, азербайджанского «jeŋi jol» и алфавита, санкционированного 2ым Съездом Узбекских Работников Просвещения.

Печатается:

того же автора. Лекции по японской фонетике.

Фонетическая и морфологическая характеристика китайского языка.

Предисловие

Настоящий первый выпуск Турецкой Серии не может считаться типичным для всей Серии, в которую войдут и большие систематические описания с обдуманной архитектурой изложения (напр., «Узбекские диалекты»). Но рядом с ними является потребность опубликовывать и беглые, накапливающиеся в портфеле описательные заметки по отдельным тур. диалектам, которые не войдут в ведущуюся мною «Лингвистическую перепись Туркестана» [считаю такое опубликование материалов принципиально возможным даже в том случае, если они явятся дублетными описаниями к существующим уже описаниям данного говора в туркологической литературе]. К таким беглым описаниям относятся и «Фонетические особенности Касимовского диалекта».

Евг. Поливанов
Июль 1923.

<с. I>

Для транскрипции Касимовского диалекта, как во всех моих работах, пользуюсь международным фонетическим алфавитом (м. ф. а.); напомним, что у – high front round = франц. *u*; *u* = *ы*, т. е. high back unround, *h* и *ħ* взяты из сербского алфавита со значением среднеязычных смычных: так назыв. «мягкого ч» и «мягкого дж»².

В классификации А.Н. Самойловича <Самойлович 1922>, Касимовский должен отойти, конечно, к III – «Тау»-группе – Кыпчакской или северо-западной группе турецких языков. В нем налицо, из классификационных признаков, и «айак» – Кас. *aja*[?], и «бол» – Кас. *bul*, и «Тау» – Кас. *taɯ* [= *taw*] «гора», *qar jaĕdu* > *ʔar ħaɯde* [и по аналогии к этому Praeterito даже Praesens *ʔar ħawa* «снег идет»]; и «ы» – Кас. *sare* «желтый», *saɯle* (ср. чувашск «шывла») «мокрый» – отсутствие в этих формах конечного ^ʔ указывает, что **ыĕ* > *ы* (но не **ыq*) до перехода *q*, *ĕ* > ^ʔ; и «калган» – Кас. *ʔalʔan* < **qalĕan* «оставшийся», *alʔan* < **alĕan* «взявший», *ʔulʔan* < **qulĕan* «сделавший»: отсутствие *ɣ* здесь только чисто внешним образом сближает Касимовский с юго-западным «калан».

² В современном МФА это символы *c* и *j*. – Изд.

От юго-западных Касимовский отличает также отсутствие звонких вместо глухих (ср. юго-зап. «даг» «гора»), хотя имеется нач. *d* в *durt* «4» (как и в казанском), и морфологические особенности юго-западных (наличие же *n* вместо (конечного) *ŋ* – опять-таки, как ниже увидим, лишь внешняя черта сходства с османским). <с. 2>

И конечно, Касимовский можно, внутри северо-западных, причислить к татарским, если не останавливаться на некоторых, малозначущих в общем, изоглоттических чертах его с турецким источником чувашского (без Wellentheorie³ все-таки не обойтись в классификации турецких языков) [– но эти сходства не касаются «ротацизма», то есть $z > r$; последний в чувашском – явление сравнительно новое, и в сущности мало годится в смысле историко-принципиального признака «булгарской» группы]⁴.

Не останавливаясь здесь на перечне татарских особенностей, укажу на одну специфическую черту (известную и в Касимовском): сужение полу-узких в узкие ($e > i$ напр. *min* «я», Кас. *it* < *et* «мясо»; $o > u$ напр. *ut* «огонь»; $\emptyset > y$ напр. Кас. *ʔyz* «глаз», *ytmi*? < *otmek* «пройти мимо») и соответствующее Lautverschiebung⁵ прежних узких (напр. $*u > \text{ш}$, $*y >$ Кас. ε – *ʔel* «пепел», *ʔelmi*? < *kylmek* «смеяться»; $i > ej$, ε – Кас. *ejt* < *it* «собака», *pejt* < *bit* «вошь»⁶, *eš* < *iš* «дело», *ešeʔez* «ваше дело», -*ne* суфф. Accusativi). [Благодаря переходу $e > i$ старое чередование *a|e* заменилось в Кас. через *a|i* напр. в суффиксе -*ʔan*|-*ʔin* – *aʔan* «взявший» | *ylʔin* «умерший» – или в суф. Dativi -*ʔa*|-*ʔi* – *aʔa* Dat. «лошади» | *ejt*|-*ʔi* Dat. «собаке»).

Нужно заметить, что нормально касимовцы не только двуязычны (– русский знают все), но и трехязычны, так как знают казанский, и к нему сознательно относятся, как к койнэ в отличие от своего местного *patois*⁷. Таким образом не только лингвистически, но и по языково-политическим обстоятельствам Касимовский является диалектом татарского.

К особенностям же Касимовского относятся прежде всего следующие две резко заметные черты:

³ «Теория волн» (нем.), теория контактного распространения языковых изменений И. Шмидта, противопоставленная «языковому древу» А. Шлейхера. – *Изд.*

⁴ По современным представлениям, в булгарской группе, к которой принадлежит чувашский язык, действовали два процесса перехода других согласных в *r* в разное время: сначала (в пра-булгарском состоянии, до V в. н. э.) ретрофлексный аппроксимант $*\text{ɭ}$, который в других группах тюркских языков дал *z*, перешел в *r*; затем, уже, вероятно, в волжско-булгарском состоянии, т. е. после VIII в., интервокальный фриктивный аллофон $*\text{ɖ}$ - пра-тюркского $*d$ переходил в *r* при отсутствии в основе слова *r* иного происхождения См., например, [Дыбо, Норманская 2013: 25]. Вероятно, этот второй процесс и приводит Е. Д. Поливанова к мысли о позднем характере ротацизма. – *Изд.*

⁵ «Звуковой сдвиг» (нем.). – *Изд.*

⁶ Эти два слова мы теперь реконструируем для пратюркского как $*ijt$ (ср. чув. *йыдӑ*, як. *ыт*, алт. *ийт*, казах. *ит* [ɪt], ккалп., ног. *ийт*) и $*bijt$ (чув. *пыйдӑ*, як. *быт*, алт. *бийт*, казах. *бит* [bɪt], ккалп., ног. *бийт*); так что здесь мы видим, во-первых, такой же переход $i > \varepsilon$, во-вторых, рефлекс пратюркского дифтонгоида по ногайскому (или архаичному) типу. – *Изд.*

⁷ «Говор» (франц.). – *Изд.*

1. Нач. $j > \check{h}$ – среднеязычный (мягкий) смычный – <с. 3> типа сербск. $\check{h}$ (впрочем не ошибкой было бы писать вместо $\check{h}$ и $\check{z}$, так как у моего объекта была несомненная аберрация [факультативная] между $\check{h}$ почти без всякого спирантного элемента и $\check{z}i = \check{z}i$; – насколько в последнем допустимо видеть вмешательство других говоров – судить не решаюсь; надо заметить, что и соответствующий глухой, – $\check{c}$, бывает, особенно перед i , того же способа образования – $\check{h}$ [в чередовании $\check{h}|\check{c}i$ и даже $\check{c}$, напр. $\check{h}i\check{h}i^?$ «цветок»; условно допущенным дефектом моей графики является то, что я, не нормализуя транскрипции записей употребляю 2 знака: $\check{h}$ и $\check{c}$ – для одной фонемы]; NB, что эти $\check{h}$, $\check{h}|\check{c}$ отнюдь не допускают свистящего акустического уклана, как северно-китайские $\check{h}$ $\check{h}'$ – в русской кит. транскрипции $\check{c}z(яо)$, $\check{c}(яо)$).

Примеры нач. $j > \check{h}$: $\check{h}an^?ur$ $\check{h}awa$ «дождь идет», $\check{h}ide$ «7», $\check{h}a^?še$ «хорошо», $\check{h}u^?lata^? < juxlataq$ «спать», $\check{h}atma^?$ «лежать», $\check{h}u^?$ «нет» (рядом с $\check{h}u^?$ обычен и – очевидно чужой – дублет $ju^?$ и даже $jo^?$).

Примечание. Соответствия: нач. $j \parallel \check{h}$ (это ближайшая ступень развития) $\parallel \check{z} \parallel \check{z}$ (ж, которое считаю нормальным для казак-киргизского) $\parallel \check{c}$ (чуваши.⁸) $\parallel s$ (якутск.) [вместе с которым надо рассматривать и редкие случаи $\check{z} < j$ внутри слов – в ногайском] являются, конечно, потенциальным признаком для уподобленной классификации тур. языков, но прямого генеалогического значения большинство из этих признаков (различие качество заместителей j -ота) иметь не будет (напр. в развитии $j > \check{h} > \check{z}^? > \check{z} - \check{z}$ и $\check{z}$ будут просто хронологическими этапами). <с. 4>

2. Почти полное сведение на нет задне-язычной артикуляции: k , q , g , $\check{c}$, η , x дают нормально в Кас. $^?$ (Kehlkopfverschlusslaut, coup de glotte⁹, $^?amza$), что может считаться специфической чертой диалекта.

$^?iri^? < *kerek^{10}$ «надо», $^?ilmi^? < kelmek$ «прийти», $^?itmi^? < уйти$, $^?el$ «пепел» $< kyl$, $^?yz < k\check{o}z$ «глаз»; но почему-то kyl «озеро» ($< k\check{o}l$) с k (заимствов.?).

$^?ara < qara$ «черный», $a^? < aq$ «белый» (но не $*^?a^?$!), $a\check{ja}^?$ «нога», $^?ul$ «рука», $^?ur^? < 40$, $^?ula^? < уxo$ (u произносится здесь чрезвычайно кратко, так что хочется записать $^?la^?$), $^?an < qan$ (ср. чув. $\check{c}ən$) «кровь», $^?az$ «гусь», $sa^?al$ «борода», $tawu^?$

⁸ Оглушение нач. j -ота в чувашском, вместе с глухостью прочих нач. согласных, отнюдь за счет финского элемента в чувашском, который для меня очевиден, как по фонетическим, так и по морфологическим данным. Просто же, на основании статического состояния сближать по этому признаку ($j > \text{як. } s$) чувашский с якутским, конечно, наивно [что же касается другой черты – соответствия чув. « tu » $< ta\check{u} < tay \parallel \text{як. } t\check{u}a$ (которое, кстати, в як. не «гора», а «лес» – ср. тот же смысловой переход в сербск. $гора$ или в южно-японск. $jama$), то оно значит генетически не больше, чем общий признак « $ta\check{u}$ »-диалектов – форма $*ta\check{u}$: последние <с. 4> стадии процессов не сходны, а противоположны в як. и чувашск. – в чувашском губной элемент дифтонга ассимилировал себе предшествующий слоговой; в якутском же, м. б. в силу полной строгости губного сингармонизма, $a\check{u}$ утратило губную работу, т. е. $*ta\check{u} > taw$, затем же произошло стяжение в taw : но u : подверглось общей участи долгих узких, превратившись в дифтонгическую фонему $\check{u}a$ (ср. ie , uo , uo).

⁹ «Гортанная смычка» (нем., франц.). – Изд.

¹⁰ В ркп. $*kerek$. – Изд.

«курица» (ср. такую же двусложность в *xalw*[?] «народ» из **xalq* > **xalwq*; но есть и дублет *xal*[?]). Даже *sta'an* < *стакан*.

[?]*eše'i* Dat. «человеку», *bala'a* «ребенку», *yl'in* «умерший», *al'an* «взявший», *al'an* «оставшийся».

hu'lama' «спать», *ha'se* «хороший»; *'atunw'uuz* «ваша жена» < *xatunw'uuz*, *'ildi'ez*¹¹ < *keldinjiz* 2 Plur. Praeter., *ma'a* «мне» (Dat.).

Но *k* сохраняется в формуле *salam alejkim* и нек. других арабских словах, в *kyl* «озеро» и в числит. *ike* (ср. *g* в числит. *sigez*, *hegerme*, *sigzæn*). Бывают дублиеты: *babaqaj*, *baba'aj*. *x* известно в *xan* «хан», *xalw*[?], *xal*[?] «народ». <с. 5>

y имеется в дублете к *tu'ez* – *tuwez* (*tuwæz*) «9» (– форма, которую интересно иметь в виду для объяснения чув. «тахар»).

ŋ, т. е. заднеязычный носовой, встречается лишь перед *k*, *g* – в *taŋkae* «рубль», *seŋgel* «сестра», и совершенно отсутствует в независимой позиции: на конце слова (и слога в *han'ur* «дождь») он дает *n*; *'ildin* «ты пришел», *balan* «твой ребенок», *biren* < *berij* «дай». Но это отсутствие *ŋ*, конечно, только внешнее, а не генетическое сходство с османским (ибо нельзя отрывать это *ŋ* > [?], *n* – от общего падения заднеязычных).

Падение заднеязычных в [?]амзу произошло, как ясно из вышеприведенных *tau*, *sare*, *saule* [ср. чув. «ту» и «шивла»], после вокализации *ɛ̃* на конце слога (и «ыг > ы»). А потому ввиду общности этих явлений с чувашскими, допустимо рассматривать и чув. метаморфозы заднеязычных (и м. б. чув. «йулна», «тутна», которое перестает тогда быть специфическим сходством чувашского с юго-западным «калан») в связи с описываемым Касимовским их падением. Но об этом – в другой статье, посвященной чувашскому.

Благодаря наличию [?] из *q*, *k* и пр., [?] соблюдается и в арабских словах (как на месте *ɛ*, так и *ɛ̃*): *sæ'æt* «час» и конечно *qur'an* «Коран» [в *allahe tæɛale* однако мой объект, как оказалось, умел произносить *ɛ̃* – айн]; сверх того, являясь, кажется, вообще самым частым из согласных, [?] проникает даже на место *t* в слове *kutna'a* < рус. *комната*¹². <с. 6>

Таким образом подсчет согласных фонем в Кас. дает след. перечень:

Губные	<i>p</i>	<i>b</i>	<i>f</i>	(<i>v</i>)		<i>w</i>				<i>m</i>
Переднеязычные	<i>t</i>	<i>d</i>	<i>s</i>	<i>z</i>	<i>ʃ</i>	(<i>ž</i>)	<i>l</i>	<i>l̥</i>	<i>r</i>	<i>n</i>
Среднеязычные	<i>č</i> (<i>ħ</i>)	<i>ħ</i>		<i>j</i>						
(Заднеязычные)	(<i>k</i>)	(<i>g</i>)	(<i>x</i>)	(<i>ɣ</i>)						
Гортанные	<i>ʔ</i>		<i>h</i>			(<i>ʕ</i>)				

В скобки заключены редкие (спорадически представленные в словаре) фонемы. На *v* знаю один пример – *venæ* «вот» (|| *tænæ*), если не считать русских слов.

¹¹ В ркп. *ɛ̃* исправлено из *i*. – Изд.

¹² Кроме Касим. (и арабск.) я наблюдал [?]амзу в качестве самостоят. фонемы: в тагальском, южно-китайском, тибетском, финском, а также в особых условиях – в латышском (как акцентуационный момент), в ливском (очевидно под влиянием латышского; Wiedemann'ом не отмеч- <с. 6>ается) и в датском. По описаниям, [?] (как фонема) встречается в нем. говорах и нек. кавказских яз. (груз. «гамзированное» *q'* тоже на пути перехода в [?]).

Также и *ž* (ж) – в русских словах; в них, благодаря превосходному знанию русского языка, встречается даже *c* (ц), не упомянутое мною в таблице.

Кроме указанных особенностей, Касимовский диалект отличает своеобразное изменение вокализма. Гласных фонем всего 7:

i (гл. обр. из **e*): *biš* «5», *birdε* «дал», *min* *ʔildεm* «я пришел», *ʔitmiʔ* «уйти», *pejtʔlirʔi* «вшам» (Dat. Pl.).

ε [несколько отодвинутое к mixed, т. е. *ə*; вместо *ε* можно было бы писать *ə* еще потому, что Кас. *ε* является одним из «беглых», стремящихся к нулю гласных (другой – *u*); оба (*ε|ə* и *u*) зачастую фактически выпадают] – из **y* (*ʔel* «смейся», «пепел») и из **i* – обычно в составе дифтонга *εj* < **i*: *εjt* «собака» (**it*), *pejt* «вошь» (**bit*).

æ – *ætej* «отец», *ænej* «мать», *kæs'im* «Касимов», *nærsæ* «вещь»; *æ* участвует в тройном сингармонистическом чередовании *a|æ|i*, напр. суффикс Dat. -*ʔa|-ʔi|-ʔæ* в *balaʔa*, *εjtʔi*, *aʔčæʔæ* («за деньги») или *nærsæʔæ* (но обычно *æ* может быть в этом слу-
чае (в суффиксах) заменено через *i*, при чем следовательно, чередование становится двойным: *a|i*).

a (не нейтральное, как в русском, но вполне back, что нормально для тур.) – на месте обще-тур. *a*: *aldum* «я взял», *balalar* «дети».

u – back unround, но не вполне high, с понижением к *Λ*; *uɲ* «мука», *ʔulaʔ* «ух», *ʔuz* «девушка», *uɲu* «большой». Стремится к нулю (напр. *ʔulaʔ* на слух хочется записать **ʔaʔ*).

y – не вполне front, отодвинутое к mixed (*ü*) – из **ø*: *ʔyz* «глаз», *yl* «умри».

u – back high round, из **o* (частью **u*): *un* «10».

В треугольнике эти гласные (делящиеся психофонетически на передние и задние) располагаются так (в скобках [] заключаю лабиализованные):

<i>i</i> [y]		<i>u</i> [u]
	<i>ε</i>	
	<i>æ</i>	<i>a</i>

Примеч. Характерно отсутствие фонемы *o*-типа (*o* или *ɔ*) [поэтому рус. *ɔ* субституируется обычно через *u*]. Но русское ухо может быть воспримет за *o* комбинаторный оттенок фонемы *u* (именно *Λ*) в соседстве с *j*: *tuɲjuʔ* «ус».

Благодаря этой метаморфозе гласных, сингармонистические чередования имеют вид:

1) *a|i* (вместо **a|*e*): -*lar|-lir*, -*da|-di* (Loc.), -*dan|-din* (Ablat.)

2) *u|ε* (вместо **u|i*): -*du|-de* в Praeter., *ħazdu* «писал», *aldu* «взял», *beldε* «знал», *ʔilde* «пришел».

Первое из них допускает также тройной состав: *a|æ|i* (см. выше). Лабиальной же гармонии гласных не наблюдается вовсе. <с. 8>

В заключение приведу несколько несистематических иллюстраций диалекта.

1. Склонение.

				Pluralis
Nominat.-indefinitus	<i>bala</i>	<i>at</i>	<i>ejt</i>	<i>ejtlir</i>
Genitivus	<i>balanun</i>	<i>atnun</i>	<i>ejtnen</i>	<i>ejtlirnen</i>
Dativus	<i>bala'a</i>	<i>at'a</i>	<i>ejt'i</i>	<i>ejtlir'i</i>
Accusativus	<i>balanu</i>	<i>atnu</i>	<i>ejtne</i>	<i>ejtlirne</i>
Locativus	<i>balada</i>	<i>atta</i>	<i>ejtti</i>	<i>ejtlirdi</i>
Ablativus	<i>baladan</i>	<i>attan</i>	<i>ejttin</i>	<i>ejtlirdin</i>
Instrumentalis	<i>balablin</i>	<i>atblin</i>	<i>ejtblin</i>	<i>ejtlirblin</i>
Sociativus	<i>(i) balá-de</i>	<i>(i) átte</i>	<i>(i) ejtte</i>	<i>(i) ejtlir-de</i>
Comparativus	<i>bala'ebe'</i>	<i>at'ebe'</i>	<i>ejt'ebe'</i>	<i>ejtlir'ebe'</i>
Ad-Деноми- jec-нальные tivaадъектив- ные формы	<i>baladaj</i>	<i>attaj</i>	<i>ejttej</i>	<i>ejtlirdej</i>
	<i>balanu'w</i>	<i>atnu'w</i>	<i>ejtne'e</i>	<i>ejtlirne'e</i>
	<i>balahu</i>	<i>athu</i>	<i>ejtle</i>	<i>ejtlirle</i>
	<i>balasuz</i>	<i>atsuz</i>	<i>ejtsez</i>	<i>ejtlirsez</i>
Praedicativus	<i>balá-der</i>	<i>át-^der</i>	<i>ejt-ter</i>	<i>ejtlirder</i>
Пример сложного падежа: Dat.-Sociativus				
<i>ma'áde</i>	<i>sa'áde</i>	<i>bala'áde</i>	<i>at'áde</i>	<i>ejt'ide</i>
«и мне,	и тебе	и ребенку	и собаке	-кам»

[при Sociat. может быть прибавляемо еще *i* = рус. «и»: *ima'áde*, *isa'áde* и т. д.]

[Склонения Plur. *atlar* «лошади»: *atlarnun* и т. д. – нет надобности приводить, т. к. суффиксы вполне совпадают со склонением *bala*]

Сравнит. степень от основ с качественным значением *uhura'*, *'ečeri'* (вм. **'ečeri'*) «больше», «меньше».

Ordinalia от основ с числовым значением (числительных) *berenče*, *ikenče*, *ečenče* и т. д.

Примеч. В турецких яз. формально определяются 2 главных части речи: имя (склоняемые и спрягаемые основы) и глагол (основа не склоняется, имеет <с. 9> значение imperativi и спрягается, но с иной системой формообразования, чем имена); местоимения, прилагательные основы (не адъективные формы от имен как-то соизмеримые с падежами формы на *-daj*, *-nu'w*, *-hu*, *-suz*, а основы имен с качественным значением в роде *'ara* «черный», *u'hu* «большой» и т. п.) и числительные – только подклассы имени. Из них местоимения обладают наиболее самостоятельной характеристикой (особое склонение – частично с чередованием основы, отсутствие образования с личными притяжательными суффиксами – потому **öz* формально не местоимение); прилагательные слабо выделяются образованием степени¹³ сравнения и интенсива типа *qapqara* (Кас. *'ap'ara*); числительные – образованием порядковых.

2. Числительные

ber ike eč durt biš alte s'igez tu'ez | tuyez un.
heyerme utez 'ur' ille' altmeš hitmeš s'igzaen tu'zaen he^z men (1000) miljun.

¹³ В ркп. *-u* исправлено из *-ey*. – Изд.

3. Несколько глагольных парадигм

Основа (повелит.) *al* «возьми», *bir* «дай»

	Praes.		Neg.	
<i>min</i>	<i>alam</i>	<i>birim</i>	<i>almam</i>	<i>birmim</i>
<i>sin</i>	<i>alásen alásn</i>	<i>biris(ε)n</i>	<i>almás(ε)n</i>	<i>birmis(ε)n</i>
<i>ul</i>	<i>ala</i>	<i>biri</i>	<i>almaj</i>	<i>birmej</i>
<i>bez</i>	<i>alámez</i>	<i>biri^b_mez</i>	<i>almá^b_mez</i>	<i>birmi^b_mez</i>
	или <i>alábez</i>		или <i>almáj^b_mez</i>	или <i>birmej^b_mez</i>
<i>sez</i>	<i>alasez</i>	<i>birísez</i>	<i>almá(j)sez</i>	<i>birmísez</i>
				или <i>birmejsez</i>
<i>alar</i>	<i>ala</i>	<i>biri</i>	<i>almujtar</i>	<i>birmilir</i>
	или <i>alálar</i>	или <i>birílir</i>	или <i>almajtar</i>	или <i>birmejlir</i>

Imperat.

2 Sing.	<i>al, ahun, alu^uun</i>	<i>bir, biren, bire^uen</i>	3 Sing.	<i>alsen</i>	<i>birsen</i>
2 Plur.	<i>alu^uuz</i>	<i>bire^uez</i>	3 Plur.	<i>alsennar</i>	<i>birsenlir</i>

<c. 10>

Praeterit.

<i>aldum</i>	<i>birdem</i>
<i>aldun</i>	<i>birden</i>
<i>aldu</i>	<i>birde</i>
<i>aldu^u</i>	<i>birde^u</i>
<i>aldu^uuz</i>	<i>birde^uez</i>
<i>aldular</i>	<i>birdelir</i>

Negativi

<i>almadem</i>	<i>birmidem</i>
<i>almaden</i>	<i>birmiden</i>
<i>almade</i>	<i>birmide</i>
<i>almade^u</i>	<i>birmide^u</i>
<i>almade^uez</i>	<i>birmide^uez</i>
<i>almaduular</i>	<i>birmidelir</i>

Futurum

<i>ahuirmaen</i>	<i>bireirmen</i>
<i>ahuirscæn</i>	<i>bireirsen</i>
<i>ahuir</i>	<i>bireir</i>
<i>ahuirmuuz</i>	<i>bireirmez</i>
<i>ahuirsuuz</i>	<i>bireirsez</i>
<i>ahurlár</i>	<i>birerlir</i>

Conditionalis

<i>alsam</i>	<i>birs'im</i>
<i>alsan</i>	<i>birsin</i>
<i>alsa</i>	<i>birsi</i>
<i>alsa^u</i>	<i>birsi^u</i>
<i>alsa^uaz</i>	<i>birsi^uiz</i>
<i>alsalar</i>	<i>birsilir</i>

Cond. Neg.

<i>almasam</i>	<i>birmisim</i>
<i>almasan</i>	— <i>sin</i>
<i>almasa</i>	— <i>si</i>
<i>almasa^u</i>	— <i>si^u</i>
<i>almasa^uaz</i>	— <i>si^uiz</i>
<i>almasalar</i>	— <i>silir</i>

Примеч. Нельзя настаивать на исключительности форм приведенных парадигм (имею в виду распределение гласных *u* и *ε* в суффиксах), так как мой объект изобилдовал дублетами в этом отношении.

4. Традиция чтения азбуки касимовцем.

ælip, *bi*, *ti*, *s'i* [в *ti* согласный тверд, в *si* же — нормальная, перед *i*, палатализация *s*], *hi*, *xu*, *xε*, *dal*, *zal*, *ræ*, *zæ*, *sæ*, *šæ*, *sat*, *zat*, *tuɟ*, *zuɟ*, *ɣajn*, *ɣain* = $\frac{ɣ}{y}ajn$ [под $\frac{ɣ}{y}$ разумею звонкий (глубоко-)заднеязычный спирант с увулярным трением, вроде парижск. *ɣ* (но не дрожащ. *r*); в таком виде, т. е. $\frac{ɣ}{y}$, звук *y* не встретился мне кроме азбуки ни в одном Кас. слове], *fin*, *kaf*, *kæf* = *k'æf*, *læm*, *mim*, *nun*, *waw* [губ.-губ. *v*], *hi* [т. е. звонкое *h*, но обычно *h* — глухое], *la(m)* = $\frac{ɣ}{y}aj$.

Тексты.

5. Из разговора.

min ʔildem petigorskiʔa minem kumna ʔamdan hæmmæ nærsælirimne urladuwlar. (Когда) я приехал в Пятигорск, из моей комнаты все вещи мои украли. <с. 11>

ʔaraʔhæ ʔerde tirizidin ahup ʔitte. Вор вошел и из окна унес.

ʔajčan buldeʔ Когда это было?

un altunhæ majda sanatur ahiʔan huʔide. Шестнадцатого мая, санатория (еще) не была открыта.

6. Двустиишие.

kæs'imski ibraj štansur ħeri b(ə)raj

ʔuzlarʔa ħeresen s'inde ħereĩrsen šulaj

Касимовский Ибрагим ходит месяц без штанов,

Будешь за девками ходить, – и ты так пойдешь.

Прим. *bʔraj* или *braj* вместо *beraj*; *braj* корреспондирует с *ibraj*. Знаком ' обозначено ударение (неконечное) Вместо *ħereĩrsen* была сначала сказана форма под казанскую *ħeryĩrsen*.

7. Автобиография.

min malejem buldem ristarān-kybæda xuzmat-ittem aĵluʔ eč-tæŋkæ birdelir. ber ħel kurjerem buldem andan sun buldem pamošneʔaficeantem. aĵluʔ birdelir ħartekas andan-sun pułnejkas sundansun. tærgi bułʔansun minem baxtemʔa čeʔte. kæʔazlarne birdelir s'erpuxuwnæ birʔinsun prinimat itmiʔi atejembʔlin ʔitteʔ. hæmmæ invintærlirne ħazuib birdelir. bismillæhi æjtep satu-iteb bašladuʔ. enenʔi bulde fajdase ħegerme sum. ike ħel satu-itʔinsun bufetbezne birdeʔ bašʔa ʔešæʔi. bez biʔ zur zarar ʔurdeʔ. andan-sun ʔereštem vagun-ristarānʔa hæm pravadniʔem bułʔansun biš ħel xuzmat-ittem. piterdin pujesbʔlin v'eržbaluʔa hæm etkuninʔa bulde. andan aʔčæʔæ nærsæl¹⁴r satuub alduum ujuʔlarne ahup ʔiterdem aluħilarʔa sattum¹⁴. bʔraz fajdase bulde. xuzmat-itʔin patčalarne tʔšer-dilæ per(ε)varut bulde nibar-xalʔ zabastufká bulde. <с. 12>

Когда я был мальчиком, я служил в ресторане Кюба. Жалования в месяц давали три рубля. Год был курьером, а потом был помощником официанта. Жалования давали пол-кассы, а потому полную кассу. Потом я копил деньги и со всем разбогател. Потом наконец написал заявление в Управление (Жел. дороги)¹⁵, после чего были торги и мне вышло счастье. Выдали мне бумаги и дали (буфет) Серпухов, и вот мы с отцом поѣхали принимать. Сделали опись всему инвентарю. Сказавши «с богом» («во имя божье») начали торговать. Ежедневно выручка была в 20 рублей. Проторговав два года, передали мы наш буфет другому человеку, мы потерпели (при этом) чрезвычайно большой убыток. После этого я поступил в вагон-ресторан, стал уже и проводником и 5 лет служил. Из Питера с поездом ездили в Вержболово и Эйдкунен. Затем я на деньги купил вещей (товар); возил чулки и продавал покупателям. Немножко дохода было. Царей убрали со службы, был переворот, была всенародная забастовка. <с. 13>

¹⁴ В ркп. *ш* исправлено из *и*. – *Изд.*

¹⁵ В татарском тексте оригинал этого (закурсивленного нами) фрагмента перевода отсутствует. – *Изд.*

Примечания.

Черточкой (-) соединяю некоторые Neoscomposita. Знак ударения (' над гласной) вообще употребляю только в случае не конечного ударения, но в *zabastufká* – для того, чтобы показать неожиданное (ввиду рус. *забастовка*) конечное ударение. *xał'* – дублет к *xahu'* «народ».

-*em* в *kurjerem* и пр. – это -*ом* русского творит. ед. Пол-кассы – $\frac{1}{2}$ пая в дележке чаевых; полная касса – полный пай. Под *patĉa-lar* (из перс. پادشاه) понимается царь, вел. князь и проч. сволочь; *xiuzmat it'in patĉa...* – букв. «служивших царей (царя и К^о) вытурили».

В том деловом жаргоне касимовца-буфетчика, к которому принадлежит автобиография, 23% русских слов (лексических морфем). Вообще при полной двуязычности касимовцев [иногда приближающей их к таким образчикам «татарского» языка: *проклинаю-min sinə жизнь! min принципиально решитъ-ittəm русские слова употреблять-itmim*] обязательно, конечно, взаимное влияние обоих языков (которое на русском сказывается напр. в слове *поседитель* вм. *посетитель* под влиянием Кас. *ut(u)riçe* от *uturma'* «сидеть» – «гость, посетитель, клиент ресторана»). [конец]

Обще-фонетический экскурс

Для общей фонетики, в частности для теории звуковой эволюции из Касим. особенностей представляет интерес вышеописанное спонтанеическое падение *k* и других заднеязычных (переход *k, g, q, ɣ* = $\dot{g}$, *x* > $\dot{g}$, а для *ŋ* – дивергенция частью в $\dot{g}$, частью в *n*), как совершенно оригинальное явление, мне совсем не известное в истории <с. 14> другого языкового семейства¹⁶ (и из турецких известную аналогию дает только чувашский).

Самым близким к Касим. явлению стоит все-таки китайский (и аналогичный ему финский) процесс – перехода конечного (китайского) *k* (в котором совпадают обще-китайские и **k*, и **t*) в $\dot{g}$, напр. **mit* «мед» > *mik* > *mi'* (откуда дальше пекинская форма с утратой $\dot{g}$ – «ми»): здесь действительно заднеязычная смычка (заместившая уже собою всякий конечный неносовой согласный) заменяется гортанной, что составляет этап в сокращении работ при стремящихся к нулю конечных согласных. Но опять-таки это (китайское) явление постигает только конечное в слове *k*, а в Касим. спонтанеическая ликвидация всяких и во всех позициях заднеязычных. Итак, Касимовское явление действительно исключительное¹⁷.

Для понимания его нужно устранить, во-первых, допустимость исключений из закона утраты заднеязычной артикуляции в момент его действия. И дей-

¹⁶ Исторические нули *k* и даже отсутствие *k* в системе характерны для нек. аустронезийских, в частности, самоанского, но в данный момент я лишен возможности привлечь эти факты к сравнению.

¹⁷ Из тюркских языков подобное явление наблюдается еще в тубаларском, где звонкие заднеязычные в ряде позиций переходят в фарингальный щелевой, причём в интервокале фарингал сохраняется, а в постсонантной позиции падает, оставляя фарингализацию на гласной, ср. [Сарбашева 2004: 117–123]); однако глухие заднеязычные в тубаларском сохраняются. – *Изд.*

ствительно, исключений из него у определенных индивидуумов в определенном поколении (создавшем это новшество) не было: число слов с *k*, *g*, *y*, *x* в современном Касимовском так незначительно, что их вполне можно отнести за счет более позднего постороннего (казанского?) влияния. За это говорят и дублиеты вроде *tuyez* при *tuʔez*. Я полагаю, конечно, что фонетически-обязательной недопустимость *k*, *g* и пр. была лишь недолгое время (1 поколение) и то не у всех в данном <с. 15> поколении, может быть лишь у отдельных лиц, действительно не умевших произносить *k*, *g* и пр., но что эти лица создали моду, принятую и другими (теми, кто был способен произносить эти звуки). Итак, я позволяю себе смотреть на это явление, как на социальную фиксацию индивидуального произносительного дефекта. Этот дефект (полное неусвоение заднеязычной артикуляции, в частности смычной) наблюдается, в общем не так редко, у детей различных наций, как переходный этап в выучке консонантизма. Пример: 3-хлетний мальчик-швед не умел произносить *k*, которое заменял через *t*, хотя и умел различать слышимые *k* и *t*. Слово (*pepper*)*kaka* «пряник» произносилось им (*pepper*)*tata*. Но после сознательных попыток и упражнений ему удалось наконец произнести *kaka* и это первое слово, в котором им была произнесена его новая произносительная фонема – *k*, вызвало у него живейшую радость. После этого, когда следовательно был уже достигнут данный навык, звук *k* стал им употребляться (вместо прежнего *t*) и в других словах – где нужно было. Дефект, т. о., оказался временным.

Но допустим, что такой дефект будет не изжит, а наоборот поддержан сверстниками. Допустим, что сверстники будут даже подражать произнесению *k*. Естественно, что при отсутствии навыка заднеязычной работы данные звуки (*k*, *g* и пр.) будут заменяться не просто нулем, а какой-либо другой работой. В приведенном примере у мальчика-<с. 16>шведа такой заменой служило *t*. Но ясно, что конвергенция $k \times t > t$ не может быть разделена сверстниками, как сопряженная с утратой одного из важнейших звукоразличий ($t - k$). Другое дело, если неусваиваемое *k* заменяется особой (новой для данной системы) фонемой, какой в Касим. явилось [?] (гортанный смычный можно считать новшеством данного консонантизма, т. к. ϵ и ξ арабских слов могут быть игнорируемы в вопросе об усвоении родного консонантизма татарскими детьми). И на эту замену могли пойти и недефективные сверстники дефективных индивидуумов, – вот почему в частности: [?] по сравнению с заднеязычной смычкой является экономией произносительной энергии (то, что гортанный взрывной требует меньше произносительной энергии, чем заднеязычный, физиологически довольно ясно). Таким образом, переход $k > ^?$ ($g > ^?$ и пр.) совпадает по направлению с общей, общefonетической и исторически-типичной тенденцией к минимализации произносительных затрат энергии – в эволюции звукового состава языков. Это обстоятельство позволяет уже не считать неперменным условием для перехода ($k > ^?$) преобладание %-та дефективных (т. е. неусвоивших *k*) детей данного поколения над процентом недефективных (для которых *k*, *g* не составляли трудностей). Дефективных могло быть менее 50% (вполне невозможно, чтобы этот именно дефект был общим явлением, каким бывает напр. детская картавость – неумение произносить *r*, *r'*), их вероятно (гипотезирую, конечно) было несколько человек. Но подражать им было легче (т. е. требовало <с. 17> меньших затрат произноситель-

ной энергии), чем подражать старшему поколению, т. е. произносить заднеязычные. Вот те обстоятельства, при которых данный переход может казаться мотивированным. Подражание неумевшим произносить *k* (хотя бы и полное подражание – во всем составе словаря) отнюдь не означало приобретения их неумения произносить *k*. Потому, поскольку из постороннего (напр. казанского) источника бывали услышаны опять формы с *k* (и другими заднеязычными), эти заднеязычные могли вводиться заново в Касимовский словарь. Этим, понятно, можно объяснить дублиеты с *k* | [?] и т. п. Но однако приобретение данного слова из чужого (казанского?) источника отнюдь не делает обязательным проникновение в этом слове чужого (казанского) *k*: хотя касимовцы и умеют произнести это *k*, слово может все же быть «фонетически переведено» на диалект, т. е. получить Касимовскую огласовку с [?] вместо *k*. Положим, что экономические условия при языковом обмене с другими татарами содействовали фиксации заднеязычных в числительных, – см. числительные *rassim* –, но в общем рецепт звуковой подстановки (т. е. знание соответствия: чужое *k, g* || свое [?]) вполне живуч, поскольку осознанно противоположение своего диалекта стандартному татарскому. В этом удостоверяют между прочим такие (вполне свободные) высказывания объекта: «по-казански *quiz* – по-нашему [?]*uz*, по-казански *quirq* – по нашему [?]*ur[?]*», и т. д. Таким образом может быть создано новое Касимовское слово даже из русских слов: <с. 18> *sta[?]an* из *стакан*.

При этом, конечно, о фонетическом современном действии закона *k* > [?] не может быть речи: это уже закон словаря, а не фонетики (потому, конечно, факт наличия в каком-либо слове звука *k* следует объяснять не фонетическими условиями, а историей данного слова на Касимовской почве). Таким вот образом и совершился, предполагаю, в Кас. этот редчайший процесс – несмотря на обратное давление среды (в которой дефективных было, очевидно, меньшинство по сравнению с умеющими произносить *k* – в том поколении, при котором совершилось изменение), – совершился благодаря физиологическим условиям – экономии произносительной энергии при *k* > [?]. Эта экономия делает живучим и рецепт подстановки *k* || [?] (и пр.): раз возможен выбор между *ker* и [?]*er*, выбирается скорее [?]*er*, чем *ker*, как требующее меньшей физиологической работы.

Приведенное объяснение нуждается, однако, в оговорке еще одной детали: спорадического случая [?] вм. *t* в *kumna[?]a* «комната» (Locat. *kumna[?]ada*, Ablativ. *kumna[?]adan*). Так как значение слова (комната – Nom. loci) позволяет базироваться именно на формах Loc. и Abl., то *t* > [?] в **kumnatada*, **kumnatadan* можно объяснять наличием слогов с 3мя (*n t d*) и даже 4^{мя} (в Abl. *n t d n*) переднеязычно-смычными один за другим. А так как такая диссимилиация в таких условиях (Ferndissimilation¹⁸) ведет к появлению простейшего (по затрате энергии) звука на месте диссимилируемого, то естественно выбирается легчайший из смычных (и вполне обычный внутри слова) – гортанный смычный [?]. <с. 19>

¹⁸ «Дистантная диссимилиация» (нем.). – Изд.

Этимологический экскурс¹⁹

По поводу приведенной параллели Касимовскому процессу в китайском $t > k > ?$ с примером $*mit > mik > mi^?$, т. е. по совершенно случайной ассоциации, позволяю себе остановиться на этимологическом вопросе данного обще-китайского $*mit$ „мед“; именно здесь нужно упомянуть след. исторически интересное соответствие между языковыми семействами:

1. индо-европ. $*médhū$ (скр. *mádhu*, μέθυ, МЭДЬ и пр.) или с $d^h > l$ благодаря, м. б., неиндо-европейской подпочве на юге Европы²⁰: *mel* μέλισσα < $*melit-ia$ „пчела, букв. медовая (муха?)“, ирланд. *míl* ($i < e$).

2. финно-угорск. $*meti$: финск. *mesi*, эст. »*mesi*« (= *mezi*) Casus partitiv. *mett* < $*mettä$, венг. *míz*²¹ (формы других финских см. в Finnisches Sprachwissenschaft Szinnyei) < Szinnyei 1910: 20>.

3. древне-кит. $*mit$ „мед“, восстанавливаемое как источник пекинской и многих других диалектических форм, а также заимствований в японский и корейский (яп. *mici* < *mitu*, *miči* < *miti*; кор. *mil* с закономерным $l < \text{кон. кит. } *t^{22}$, благодаря чему – странная игра случая! – корейская форма созвучна с ирландской: крайний запад и крайний восток Евразии называют „мед“ одинаково), но для более древней эпохи не без оснований гипотетизируемое в виде $*mjet$. В китайском это слово не находит индо-китайской (или тибето-китайской, если данное так наз. индо-китайское семейство именовать по двум главным представителям тибето-китайским) этимологии: тибетск. $*rci$ очевидно не родственно с $*mit$, хотя название пчелы (осы) в тиб. и в кит. в праформе общее: тиб. $*sbray$ -(*bu*) || кит. »фынг« < *fuŋ* (< $*sbray$, так как $sbr > f$ закономерно, как и гласное соответствие тиб. *a* || кит. *u* из праязыкового $*a$, ср. напр. тиб. *lha* > *ŋa* || кит. *ŋu* > *u*, $^w u$ »у, ву« „пять“, или тиб. *ma* || кит. *tu* „мять“, тиб. $*p'a$ || кит. *fu* „отец“ и пр.)²³.

¹⁹ Помимо специально посвященной этимологии слова *мёд* статьи [Поливанов 1916] см. об этом в других работах Е.Д. Поливанова: [Поливанов 1923: 116–117; Поливанов 1968а: 167; Polivanov 1937: 405]; а также комментарий Вяч.Вс. Иванова ([Поливанов 1968: 338–339]). – *Изд.*

²⁰ Сейчас ПИЕ $*melit-$ и ПИЕ $*medhu-$ определённо считают двумя разными основами, произведёнными от двух разных корней и имевшими разные значения, первая – собственно ‘мёд’, вторая – ‘хмельной напиток’ (обычно медовый), см., напр. [Mallory & Adams 2: 271]. – *Изд.*

²¹ Совр. лит. норма – *méz*. Колебания обусловлены качеством узкого долгого *é*. – *Прим. ред.*

²² Сейчас считается, что ср.-кор. $-r$ в китайских заимствованиях, замещающее ср.-кит. $-t$, это следствие заимствования из ср.-кит. северо-восточного диалекта, в котором $*-t > -r$. – *Изд.*

²³ В «Сравнительном словаре сино-тибетских языков» [Peiros & Starostin 1996] тиб. *sbray* ‘fly, bee’ считается параллелью к кит. 虻, др.-кит. *mrāŋ* ‘gadfly, horsefly’; а кит. 蜂, др.-кит. *phoŋ* ‘bee, wasp’ связывается с тиб. *buŋ* ‘a humming and stinging insect, bee’. У тиб. *pha* ‘father’ по этому словарю нет китайской параллели, а кит. 父, совр. пекин. *fu*⁴, др.-кит. *ba?*, связывается с сино-тиб. $*wāH$, не имеющим собственно тибетской параллели. Но тиб. *lha* ‘five’ продолжает считаться параллелью к кит. 五, др.-кит. *ŋhā?* ‘five’. – *Изд.*

Это отмежевывает китайский язык в данном случае (т. е. в данном слове – „мед“) от юга Азии, т. е. от прочих тибето-китайских языков (NB, что в аннамском слове заимствовано из китайского) и заставляет искать объяснения <В> сношениях именно с индо-германцами или уральцами; и так. образом на *medhu || *meti (> финск. mesi) || *mjet, mit (а также *mel(it) – ср. *μελιτ-ια, mel) оказывается возможным смотреть, как на одно из древнейших культурных странствующих слов²⁴ (ср. в позднейшие эпохи странствование „мешка“ – saccus [из еврейск.], „вина“, „опиума“ [из арабск.], „арака“ [тоже из арабск. корня], „бумаги – тетради – cahier²⁵“ [из перс., а в перс. м. б. из китайск.], наконец „табака“ и пр. и пр.). Что же касается дальнейших сопоставлений приведенного (из 3 семейств) названия меда – именно с обще-алтайским bat²⁶ (тур.-монг. b < m? l < r? наконец a || e) и с другой стороны с яфетическо-семитск. √mtk „сладкий“ (яфет. tkm – см. Марр, Осн. табл. стр. 3 <Марр 1908: 3>), то они висят в воздухе как явно гипотетические.

Литература

- Дыбо, Норманская 2013 – Дыбо А.В., Норманская Ю.В. Периодизация тюркских заимствований в финно-угорских языках // Урало-алтайские исследования. – 2013. – № 4 (11). – С. 7–40. {A.V. Dybo, Yu.V. Normanskaya. Periodization of Turkic loanwords in the Finno-Ugric languages // Ural-Altaic Studies. – 2013. – No. 4 (11). – Pp. 7–40.}
- Марр 1908 – Марр Н.Я. Основные таблицы к грамматике древнегрузинского языка с предварительным сообщением о родстве грузинского языка с семитическими. – СПб., 1908. {N.Ya. Marr. The Basic Tables for the Grammar of the Old Georgian Language, with a Preliminary Report on the Relationship of the Georgian Language to Semitic Languages. – St. Petersburg, 1908.}
- Поливанов 1916 – Поливанов Е.Д. Индо-европейское *medhu – общекитайское *mit // Записки восточного отделения Императорского русского археологического общества. – Т. XXIII (1915). – Пг., 1916. – С. 263–264. (Переиздание: Поливанов Е.Д. Избранные работы. Статьи по общему языкознанию. – М.: Наука, 1968. – С. 165–166.) {Ye.D. Polivanov. (1916). Indo-European *medhu – Common Chinese *mit // Memoirs of the Oriental Department of the Imperial Russian Archaeological Society. – Vol. 23, 1915. – Pp. 263–264. (Reprinted in: Ye.D. Polivanov. Selected Works: Articles on General Linguistics. – Moscow: Nauka, 1968. – Pp. 165–166.)}
- Поливанов 1923 – Поливанов Е.Д. Дальневосточные термины орудий письма // Сборник Туркестанского восточного института в честь проф. А.Э. Шмидта (25-летие его первой лекции 15/28 января 1898–1923 г.). – Ташкент, 1923. – С. 116–119. {Ye.D. Polivanov. Far Eastern Terminology for Writing Materials // Collection of the Turkestan Oriental Institute in Honor of Prof. A.E. Schmidt (25th Anniversary of His First Lecture, January 15/28, 1898–1923). – Tashkent, 1923. – Pp. 116–119.}
- Поливанов 1968 – Поливанов Е.Д. Избранные работы. Статьи по общему языкознанию. – М., 1968. {Ye.D. Polivanov. Selected Works. Papers on General Linguistics. – Moscow, 1968.}
- Поливанов 1968а – Поливанов Е.Д. Индо-европейское *su [s] – древнекитайское *či ‘свинья’ // Е.Д. Поливанов. Избранные работы. Статьи по общему языкознанию. – М., 1968. – С. 167–171 (см. с. 167); рукопись статьи хранится в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН: ф. 700 (Л.В. Щерба), оп. 3, № 25, л. 58–66. {Ye.D. Polivanov. Indo-European *su [s] – Ancient Chinese

²⁴ Что касается литературы по этимологии «меда», то к ней относится прежде всего статья Gauthiot в Mem. Soc. Lingu. <Gauthiot 1910: 269–270>, на которую я ссылаюсь в заметке «Индо-евр. medhu – кит. mit» в ЗВОРАО. <Поливанов 1916: 263>

²⁵ «Тетрадь» (франц.). – Изд.

²⁶ Пратюрк. *bal (чув. пыл); письм.-монг. bal и под. – явный тюркизм. – Изд.

- **çu* 'pig' // Ye.D. Polivanov. Selected Works. Papers on General Linguistics. – Moscow, 1968. – Pp. 167–171 (see p. 167); the manuscript of the article is kept in the St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences: f. 700 (L.V. Shcherba), op. 3, No. 25, ff. 58–66.}
- Самойлович 1922 – *Самойлович А.Н.* Некоторые дополнения к классификации турецких языков. – Петроград, 1922. (Переиздание: А.Н. Самойлович. Тюркское языкознание. Филология. Руника. – М., 2005. – С. 77–87.) {*A.N. Samoylovich. Some Additions to the Classification of Turkic Languages.* – Petrograd, 1922. (Reprinted in: *A.N. Samoylovich. Turkic Linguistics; Philology; Runica.* – Moscow, 2005. – Pp. 77–87).}
- Сарбашева 2004 – *Сарбашева С.Б.* Фонологическая система туба-диалекта алтайского языка. – Новосибирск, 2004. {*S.B. Sarbasheva. The Phonological System of the Tuba Dialect of the Altai Language.* – Novosibirsk, 2004.}
- Gauthiot 1910 – *Gauthiot, Robert Edmond.* Des noms de l'abeille et de la ruche en indo-européen et en finno-ougrien [О названиях пчёл и улья в индоевропейск. и финно-угорск. языках] // *Mémoires de la Société de linguistique de Paris.* – T. XVI, 1910, № 4. – Pp. 264–279. {*R.E. Gauthiot. On the Names of the Bee and the Beehive in Indo-European and Finno-Ugric Languages* // *Mémoires de la Société de linguistique de Paris.* – T. XVI, 1910, No. 4. – Pp. 264–279.}
- Mallory & Adams 1997 – *D.Q. Adams, J.P. Mallory.* (ed.). *Encyclopedia of Indo-European culture.* – Chicago, 1997.
- Peiros & Starostin 1996 – *I. Peiros, S.A. Starostin.* A Comparative Vocabulary of Sino-Tibetan Languages. – Parkville: University of Melbourne, 1996.
- Polivanov 1937 – *E.A. (= E.D.)²⁷ Polivanov.* A propos d'un mot indo-européen de provenance chinoise *(*t*)*sū* s < ancien chinois **çu* 'cochon' // *Archiv Orientální.* – Praha, 1937. – Vol. IX, № 3. – С. 405–406; рукопись русскоязычного оригинала хранится в Литературном архиве Музея национальной литературы в Праге (фонд Р.О. Якобсона: *Rukopisy cizí, Články...*, Polivanov, «Ob odnom i.-e. slove kitajského proischožďenija»).
- Szinnyei 1910 – *Szinnyei, József.* Finnisch-ugrische Sprachwissenschaft [Финно-угорское языкознание]. – Leipzig, 1910. {*J. Szinnyei. Finno-Ugric Linguistics.* – Leipzig, 1910.}

О брошюре Е.Д. Поливанова «Фонетические особенности Касимовского диалекта»

(А.В. Дыбо, А.В. Андронов)

Стеклографированная брошюра о касимовском диалекте описана уже в первой библиографии работ Поливанова, опубликованной Вяч.Вс. Ивановым [Иванов 1957: 74, № 25], который, судя по замечаниям в очерке лингвистических взглядов Поливанова, был хорошо знаком с её содержанием²⁸. Однако в 2018 году один из авторов настоящей публикации, занимавшийся проверкой библиографии Поливанова *de visu*, смог обнаружить эту работу лишь в Национальной библиотеке Узбекистана. По его рекомендации редкая книга была отреставрирована и перемещена из общего фонда (старый шифр «В 11661/0») в отдел рукописей, уникальных и особо ценных изданий (нынешний шифр «Пя-12783»). Позже по её цифровой копии осуществлён первичный компьютерный набор текста. Поиски

²⁷ В издании действительно пропечатано: «E.A. Polivanov». Вероятно, смешение связано с внешним видом кириллической «Д». – *Прим. ред.*

²⁸ По словам Л. Р. Концевича, книга имела у московского дунгановеда А. Дж. Калимова, но после его кончины, вероятно, перешла к кому-то из коллег или в составе его библиотеки передана на родину учёного в село Ырдык (Джети-Огузский район Киргизии).

книги в библиотеках Москвы, Петербурга и Казани не дали результата, поэтому в предварительной публикации фрагмента работы Поливанова высказано мнение, что она сохранилась в единственном экземпляре [Андронов 2021: 8]. В руки второго соавтора, А.В. Дыбо, экземпляр был передан в 2009 году ее учительницей, Л.С. Левитской, которой он в свое время достался от Н.К. Дмитриева, ее учителя. По этому экземпляру была проведена сверка компьютерного набора. Есть основания предполагать, что книга в своё время имела также в Ленинграде (на неё подробно ссылается Л.Т. Махмутова, работавшая над диссертацией в ЛГУ [Махмутова 1952; 1955]; возможно, это тот же личный экземпляр Н.К. Дмитриева) и в Казани (учтена в указателе А.Г. Каримуллина [1957: 25–26, № 212]; не исключено, что на основании библиографии Вяч.Вс. Иванова).

Касимовский говор не особенно хорошо изучен, и к настоящему времени близок к «засыпанию»²⁹. Однако некоторое количество работ по нему имеется.

Вышедшая вскоре после брошюры Поливанова статья В.А. Гордлевского [1927] (полевые записи 1920), представляет собой в основном этнографическое исследование. Автор (в сноске, с. 6) сообщает: «Фонетические наблюдения над языком касимовских татар производились проф. Е.Д. Поливановым, но мне недоступна изданная им (в 1923 году?) стеклографически брошюра» (изданная, заметим, Институтом востоковедения, в котором Гордлевский работал с 1918 года [Базиянц 1979: 19–20, 52]). Его представление касимовского вокализма (со скидкой на крайне огрубленную транскрипцию) вполне соответствует представлению Поливанова. Что касается консонантизма, он отмечает переход заднеязычных в гортанную смычку (с. 20–21); о рефлексии начального *j- говорит как о свободном варьировании между [j] и [ɟʒ] (с. 23); фиксирует переход в [sʲ] конечнослогового *ɟ (с. 21; у Поливанова не отмечено, ср., напр., выше *εʃ* ‘3’; и наоборот, он пишет об отсутствии у *ɟ* «свистящего акустического уклона»). Из морфологических особенностей Гордлевский обращает внимание на окончание аблатива *-тин*: *асьтин* (тат. *ачтан*) ‘от голода’ (с. 23) (то есть, на архаичную форму аблатива *-Tɪn*, представленную в древнеуйгурском и языках карлукской группы и спорадически сохраняющуюся в отдельных диалектах других языков, а также в окаменевших наречных образованиях). У Поливанова таких форм нет; при этом аблатив переднерядных слов, морфонологически *-Tɪn*, закономерно получает форму *-t/din* в силу перехода **e* > *i*, а у слов со вторичным упреждением *a* > *æ* в палатальном консонантном контексте (как *aʲɟæʲæ* ‘деньги-Dat’) отмечена возможность замены аффикса с упреждённым *æ* на морфонологически переднерядную форму с *i*, то есть форма, приведённая Гордлевским, может объясняться и так. В последующих работах аблатив на *-Tɪn* для касимовского не засвидетельствован.

Б.А. Куфтин в этнологическом исследовании касимовских татар указывает лишь те же черты из области согласных (полную утрату задненёбной артикуляции в пользу «гортанного звука, напоминающего арабское „аин“», отсутствие мишарского цоканья, замену конечного *ɟ на [sʲ] и начального *j на [ɟʒ]) и некоторые особенности лексики [Куфтин 1929: 141–142].

²⁹ О современной социолингвистической ситуации см., например [Абянов 2024].

Касимовскому говору посвящен раздел в «Татарской диалектологии» [Жәлэй 1947: 100–101], автор оспаривает гипотезу близости с мишарским (основанную на лексических признаках) и относит касимовский скорее к среднему диалекту, связывая развитие гортанного взрыва с увулярным характером задних согласных, а также указывая на джекание и отсутствие цоканья.

Специально фонетическим особенностям касимовского говора посвящена статья Л.Т. Махмутовой [Махмутова 1955]³⁰. В ней отмечается переход заднеязычных (с. 145–148); по развитию начального **j*- говор отнесен к «ж-окающим» с «переднеязычной двухфокусной палатализованной звонкой аффрикатой» (т. е. описано [dʒ]). Приведены 2 исключения с *j*- (эклетишно охарактеризованным как «среднеязычный щелевой звонкий сонант») перед *a*: *jaʃu* ‘хорошо’, *jaɾʔa* ‘облагодетельствовать’ (с. 144–145). Отмечен переход конечнослогового **ɟ* в «сильно палатализованный свистящий спирант *s*» (с. 143). Вокализм описан в целом сходно с поливановским описанием; отмечено, в частности, [i] как переднерядный представитель морфемы *A* (с. 150, 155). Приводится форма с дифтонгом *ɛjt* ‘собака’ (с. 149), но (по рефлексу гласной идентичная литературной) *nɛt* ‘вошь’ (с. 138). Махмутова, в отличие от Поливанова, выделяет огубленную фонему *o*, отождествляемую ею с тат. лит. *o* (фонетически [ʊ]; < ПТю **u*) (с. 152). Поливанов считает рефлекс **u* в касимовском тождественными рефлексам **i* (ср. в его записи *ʔulaʔ* ‘ухо» и *ʔuz* «девушка»), описывая соответствующий звук скорее как то, что в современном МФА обозначается [ɤ] (в литературном татарском [ɤ] – звучание рефлекса **i* в независимой позиции, а [ʉ] выступает в составе дифтонга [ʉj]). Ср. приводимую Махмутовой форму кас. *boʔol* ‘стог’ (литер. *богыл*) и у Гордлевского (с. 23) *byʔyl* ‘скирд’. Что касается формы аблатива, данные Махмутовой (с. 156) совпадают с поливановскими.

В нашем распоряжении оказались записи на электронный носитель одного признанного знатока касимовского говора Диляры Анваровны Батмановой (1965–2022), из д. Мунтово (собрано в 2019 г. Л.Ф. Абубакировой; часть звука размещена на портале Lingvodoc: <https://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/2874/7/perspective/2874/11/view>). В этом материале мы видим регулярный переход заднеязычных в гортанную смычку; регулярное отражение начального **j*- как [dʒ] за исключением позиции перед *-a*-, где свободно варьируют [dʒ] и [j]; регулярный переход конечнослогового **ɟ* в [sʃ]. По слуховому впечатлению, рефлекс **i* всё же отличаются от рефлексов **u*, хотя обе гласные неогубленные: основной рефлекс **i* – [ʉ], а основной рефлекс **u* – [ɤ]; различие наиболее заметно под ударением. Засвидетельствованы формы [ɛjt] ‘собака’ и [pɛjt] ‘вошь’.

Различение рефлексов **i* и **u* в современном состоянии говора при неразличении в источниках начала XX века вряд ли можно отнести на счёт исторического развития вокализма или (при физическом несовпадении различения с литературным) на счёт влияния литературного татарского. То же касается и развития конечнослогового **-ɟ*. Вероятно, оба этих момента либо ускользнули от Поливанова (что в отношении оппозиции [ʉ] и [ɤ] неудивительно), либо его информант

³⁰ Статья написана по материалам диссертации [Махмутова 1952], где на с. 6 автор (справедливо) подчёркивает, что описание Поливанова основано на данных от одного информанта.

допускал в свою речь мишарские формы (см. о влиянии соседних мишарских говоров [Абянов 2024]).

Поливанов придавал большое значение характерной особенности касимовского диалекта – переходу заднеязычных в гортанную смычку – и посвятил ей специальный «Общefonетический экскурс». Внимание на поливановское объяснение распространения гортанной смычки впервые обратил Куфтин: «Поливанов... в своей работе о касимовском говоре не считает возможным относить эту исключительную по своей резкости черту касимовского диалекта к какой-либо древней этнической основе, а видит в ней социальную фиксацию индивидуального произносительного дефекта одного из касимовских царей, получившего распространение через дворцовую знать и высшее сословие в народ» (с. 141). Отметим, что в публикуемой брошюре Поливанов не пишет о том, что такое закрепление («мода») могло бы возникнуть скорее, если особенность была присуща социально престижной группе, но, вероятно, подразумевает именно это (ср. его другие работы о факторах фонетической эволюции). Как бы то ни было, конкретизация гипотезы в направлении роли касимовских царей принадлежит Куфтину³¹.

Гордлевский полагает, что распространение гортанной смычки – явление, связанное с финно-угорским субстратом. Махмутовой эта идея казалась наиболее близкой к истине, но она не приводит никаких аргументов [Махмутова 1955: 148, сноски]. В статье, специально посвящённой возникновению касимовской гортанной смычки, Арсланов вполне аккуратно опровергает идею Гордлевского [Арсланов 1976: 61], но сам также предполагает субстратное происхождение явления, ожидаемо связывая «гортанные звуки» с северо-кавказским субстратом на гипотетическом прежнем месте обитания касимовцев. Это, конечно, маловероятно: для такого влияния нужен был бы какой-то северокавказский язык, в котором отсутствуют велярные и увулярные, а представлены фарингальные и ларингальные; такого северокавказского языка нет. В общем, гипотеза Поливанова, как кажется, остается наиболее правдоподобной. Её поддерживал и Вяч.Вс. Иванов [1957: 72].

Литература

- Абянов 2024 – Абянов Р.В. Касимовский говор как фактор сохранения этноконфессиональной идентичности татар Рязанской области // Полилингвильность и транскультурные практики. – 2024. – Т. 21. – № 3. – С. 450–458. – DOI: <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2024-21-3-450-458>. {R.V. Abyanov. Kasimov Dialect as a Factor in Preserving the Ethnic and Confessional Identity of the Tatars of the Ryazan Region // Polylinguality and Transcultural Practices. – 2024. – Vol. 21. – No. 3. – Pp. 450–458.}
- Андронов 2021 – Андронов А.В. Е.Д. Поливанов о касимовском диалекте: возвращая в научный обиход библиографическую редкость (к 130-летию со дня рождения) // И.А. Бодуэн де Куртенэ и мировая лингвистика: междунар. конф.: VIII Бодуэновские чтения (Казан. федер. ун-т, 17–20 нояб. 2021 г.): тр. и матер.: в 2 томах / под общ. ред. Р.Р. Замалетдинова, Е.А. Горобец, Э.А. Ис-

³¹ Формулировку Куфтина повторяет Л.Ш. Арсланов, приписывая её, однако, самому Поливанову [Арсланов 1976: 61]. Вполне вероятно, что Арсланов не видел оригинала редкой публикации Поливанова и опирался лишь на статьи Куфтина и Махмутовой.

- ламовой. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2021. – Т. 2. – С. 8–16. {*A.V. Andronov*. Ye.D. Polivanov on the Kasimov Dialect: Returning a Bibliographical Rarity to Scholarly Circulation (To the 130th Anniversary of His Birth) // *Jan Baudouin de Courtenay and World Linguistics: International Conference: 8th Baudouin Readings* (Kazan Federal University, November 17–20, 2021): Proceedings and Materials: in 2 vol. / under the general editorship of R.R. Zamaletdinov, E.A. Gorobets, E.A. Islamova. – Kazan: Kazan University Press, 2021. – Vol. 2. – Pp. 8–16.}
- Арсланов 1976 – *Арсланов Л.Ш.* К вопросу о возникновении гортанно-смычной фонемы в касимовском говоре татарского языка // *Советская тюркология*. – 1976. – № 6. – С. 60–65. – URL: <https://rosturcology.ru/index.php/rosturcology/issue/view/47/47> (дата обращения: 20.10.2025). {*L.Sh. Arslanov*. On the Emergence of the Glottal Stop Phoneme in the Kasimov Dialect of the Tatar Language // *Sovetskaya Tyurkologiya* [Soviet Turkology]. – 1976. – No. 6. – Pp. 60–65. – URL: <https://rosturcology.ru/index.php/rosturcology/issue/view/47/47> (accessed: October 20, 2025).}
- Базиянц 1979 – *Базиянц А.П.* Владимир Александрович Гордлевский. – Москва: Наука, 1979. {*A.P. Bazyants*. Vladimir Aleksandrovich Gordlevsky. – Moscow: Nauka, 1979.}
- Гордлевский 1927 – *Гордлевский В.А.* Элементы культуры у касимовских татар. (Из поездки в Касимовский уезд в 1920 году) // *Труды общества исследователей Рязанского края*, вып. 10. – Рязань, 1927. – С. 5–35. – URL: <https://www.prlib.ru/item/719524> (дата обращения: 21.10.2025). {*V.A. Gordlevskiy*. Cultural Elements of the Kasimov Tatars: (From a Trip to the Kasimov District in 1920) // *Proceedings of the Society of Researchers of the Ryazan Region*, iss. 10. – Ryazan, 1927. – Pp. 5–35. – URL: <https://www.prlib.ru/item/719524> (accessed: October 21, 2025).}
- Жәләй 1947 – *Жәләй Л.* Татар диалектологиясе [Татарская диалектология]. – Казан, 1947. {*L. Zalyay* (*L. Jäläy*). Tatar Dialectology. – Kazan, 1947.}
- Иванов 1957 – *Иванов Вяч.Вс.* Лингвистические взгляды Е.Д. Поливанова // *Вопросы языкознания*. – 1957. – № 3. – С. 55–76. {*Vyach.Vs. Ivanov*. The Linguistic Views of E.D. Polivanov // *Voprosy Yazykoznaniiya* [Topics in Linguistics]. – 1957. – No. 3. – Pp. 55–76.}
- Каримуллин 1957 – *Каримуллин А.Г.* Библиография литературы по татарскому языкознанию. – Казань, 1957. {*A.G. Karimullin*. Bibliography of Literature on Tatar Linguistics. – Kazan, 1957.}
- Куфтин 1929 – *Куфтин Б.А.* Татары-касимовские и татары-мишари Центрально-Промышленной области // *Культура и быт населения Центрально-Промышленной области*. – М., 1929. – С. 135–148. {*B.A. Kuftin*. The Kasimov Tatars and Mishar Tatars of the Central Industrial Region // *Culture and Everyday Life of the Population of the Central Industrial Region*. – Moscow, 1929. – Pp. 135–148.}
- Махмутова 1952 – *Махмутова Л.Т.* Особенности касимовского говора татарского языка: дис. ... канд. филол. наук. – Л.: Ленингр. гос. ун-т им. А.А. Жданова, 1952. – 191 л./с. {*L.T. Makhmutova*. Features of the Kasimov Dialect of the Tatar Language: Candidate of Philological Sciences dissertation. – Leningrad: Zhdanov Leningrad State University, 1952. – 191 leaves/pages.}
- Махмутова 1955 – *Махмутова Л.Т.* Фонетические особенности касимовского говора татарского языка // *Материалы по диалектологии*. – Казань, 1955. – С. 147–148. {*L.T. Makhmutova*. Phonetic Features of the Kasimov Dialect of the Tatar Language // *Materials on Dialectology*. – Kazan, 1955. – Pp. 147–148.}